

На правах рукописи

Ануфриева Нина Валерьевна

**ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
20-30-Х ГГ. XX В. О МОНГОЛЬСКОМ ВЛАДЫЧЕСТВЕ НА РУСИ**

07.00.09 – историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск – 2008

Работа выполнена на кафедре социально-гуманитарных дисциплин
ГОУ ВПО «Сургутский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Худяков Виктор Николаевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Бойко Владимир Петрович

кандидат исторических наук, доцент
Соколов Виктор Юрьевич

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Новосибирский государственный
педагогический университет»

Защита состоится 30 января 2009 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.03 в ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 643050, г. Томск, проспект Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: г. Томск, пр. Ленина, 34 а.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

О.А. Харусь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность работы обусловлена тем, что сегодня, когда начинают восстанавливать наше историческое прошлое в его подлинной сложности и многообразии, культура Российского Зарубежья должна подвергнуться переосмыслению, для того чтобы войти в наш духовно-интеллектуальный мир. Этим объясняется неиссякающий поток публикаций научного наследия российской эмиграции, к которому ранее мы по разным причинам не имели доступа.

Среди множества сюжетов истории российской эмиграции особый интерес представляет историческая мысль Российского Зарубежья 20-30-х гг. XX в. Современная научная общественность заново начинает знакомиться с теоретическим наследием мыслителей Русского Зарубежья, когда высвечиваются их наиболее яркие взгляды и идеи.

При всем многообразии исторических тем вопрос о роли монгольского владычества занимал одно из центральных мест в исторических дискуссиях российской эмиграции. Поколение людей, пережившее мировую и гражданские войны, революцию, оказавшееся в изгнании, пыталось обратиться к историческому прошлому, чтобы объяснить настоящее, найти там тенденции, которые предполагали другой вариант развития событий.

Идеи и теории русских эмигрантов, нашедшие свое воплощение в творческом наследии выдающихся историков Российского Зарубежья, имеют принципиально важное значение для осмысления исторического пути России, ее своеобразия. Современная историческая наука характеризуется плюрализмом взглядов, однако при всем множестве суждений относительно прошлого и будущего развития России все же просматривается общая тенденция: после угасания коммунистической альтернативы возродились традиционные историософские споры о путях развития России. Происходит новая встреча «западников», «почвенников» и «евразийцев». Условия современного развития России во многом тождественны условиям и состоянию российского общества начала прошлого века. Тогда и сейчас мыслителей интересовало, по какому пути пойдет Россия, как будет протекать процесс ее развития.

Для поиска ответа на этот вопрос весьма актуальным является обращение к взглядам историков русского зарубежья, творческие изыскания которых во многом очень созвучны сегодняшним спорам о месте России в мире, о том, каково соотношение западных и восточных элементов в ее культуре. Изучение исторического наследия русского зарубежья особенно актуально в плане современных проблем национального возрождения России. Взгляды историков Русского Зарубежья на проблемы монгольского владычества на Руси заслуживают особого внимания уже потому, что при выборе векторов дальнейшего развития России необходимо исходить из особенностей исторического пути страны, в числе которых преимущество многих восточных черт в политике и культуре, начиная с монгольского периода, во многом решающего и судьбоносного в истории Руси-России.

Степень изученности темы. Существует большое количество работ, посвященных изучению теоретического наследия русской эмиграции. В исследовании творчества историков русской эмиграции можно выделить три периода: предвоенный (зарубежные исследования 1920-1930-х гг.), послевоенный (советские и зарубежные исследования 1940-1980-х гг.), постсоветский (российские и зарубежные исследования с конца 1980-х – начала 1990-х гг. XX в. и вплоть до последних лет).

Предвоенный период. Первые публикации, посвященные вопросам развития российской исторической мысли за рубежом, появились в среде русской эмиграции. Ряд статей русских авторов был посвящен научной деятельности выдающихся представителей российской исторической науки за рубежом (А.А. Кизеветтера, П.Н. Милюкова, Е.Ф. Шмурло, М.И. Ростовцева)¹.

Публикации, выходившие за рубежом, были свежим, непосредственным откликом на происходившие в тот момент события в научной жизни эмиграции. В связи с этим и споры вокруг проблем монгольского владычества были своего рода реакцией на «Исход к Востоку» в творчестве евразийцев. В 1920-

---

¹ Флоровский А.В. Памяти А.А. Кизеветтера // Записки Русского Научного института в Белграде. – Вып. 11. – Белград, 1935; Мельгунов С.П. «История революции» П.Н. Милюкова // На чужой стороне. – 1924. – №7. – С. 291 – 299; Кизеветтер А.А. Рецензия на работу Е.Ф. Шмурло «Введение в русскую историю» // Руль. – Берлин. – 20 августа. – 1924. – №128. – С. 5; Вернадский Г.В. М.И. Ростовцев. – Т. 4. // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П. Кондакова. – Прага, 1931.

1930-е гг. появляется ряд статей А.А. Кизеветтера, П.Н. Милюкова, Н.В. Рязановского и других авторов, в которых был проведен критический анализ евразийской трактовки монгольского периода в русской истории². Исследователи, выступая с позиций российской традиционной исторической науки, обнаруживали наиболее слабые места евразийской оценки вопросов монгольского владычества на Руси. В предвоенный период за рубежом вышли в свет работы представителей евразийского направления, в которых авторы, проводя своеобразный самоанализ, попытались оценить взгляды отдельных представителей евразийства и всего направления в целом на некоторые вопросы монгольского владычества на Руси³.

Весомый вклад в изучение исторической науки российской эмиграции внес А.В. Флоровский. В работе «Русская историческая наука в эмиграции» историк представил ценную, достаточно полную библиографию исторических изданий за 1920-1930 гг.⁴.

Советская историография в предвоенный период не уделяла внимания развитию русской исторической науки за рубежом в XX в. Сами представители русской эмиграции, изначально понимая важность изучения основных трудов деятелей исторической науки Русского Зарубежья, осуществляли лишь первые попытки их осмысления с акцентом на библиографические обзоры. В 1920-1930-е гг. практически отсутствовали обобщающие историографические работы. Подавляющее большинство историографических работ представляло собой небольшие по объему статьи, посвященные частным сюжетам или творчеству отдельных представителей исторической мысли Русского Зарубежья.

В довоенный период не было написано специальных работ (монографий, статей) по проблемам монгольского владычества на Руси в трудах мыслителей

---

² Кизеветтер А.А. Евразийство и современная русская литература // Руль. – 1926. – 13 февраля; Кизеветтер А.А. Евразийская наука // *Slavia*. – 1928/ 1929. – Т. VII. – Вып. 2; Кизеветтер А.А. Евразийская самооборона // *Россия и славянство*. – 1930. – 15 августа; Milukov P. Eurasianism and Europeanism in Russian History // *Festschrift Th. G. Masaryk. – Zum. 80. – Bonn. – 1930. – P. 225-236*; Riasanovsky N.V. Prince N.S. Trubetskoy's «Europe and Mankind» // *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*. – 1964. – Bd. 12. – H. 2. – S. 207-220 и др.

³ Савицкий П.Н. Евразийство // *Евразийский временник*. – 1925. – Кн. 4 и др.

⁴ Флоровский А.В. Русская историческая наука в эмиграции // *Труды V съезда Русских академических организаций за границей*. – Ч. 1. – София, 1931.

Русского Зарубежья 1920-1930-х гг. рассматривались лишь отдельные аспекты этих проблем.

Послевоенный период характеризуется оживленным интересом к выделенной проблематике: появилось много исследований обобщающего характера. Особенностью выделенного периода является его длительность, что связано не столько с историографической, сколько с содержательной спецификой этапа. Она проявляется, прежде всего, в обобщающем характере исследований, вышедших не особенно интенсивно как в Советской России, так и на Западе, но содержащих оценки проблем монгольского владычества в трудах историков Русского Зарубежья 1920-1930 гг.

Особо следует отметить труды П.Е. Ковалевского, посвященные итогам развития русской науки и культуры на Западе⁵. Автор указывал основных представителей русской исторической науки за рубежом, их опубликованные труды, отмечал внесенный ими вклад в изучение отдельных исторических вопросов, в том числе и в рассмотрение проблем монгольского владычества. Помимо этого П.Е. Ковалевским были обозначены основные историко-научные центры Русского Зарубежья, определены цели и содержание их деятельности.

В работах Г.П. Струве, З. Шаховской, В.С. Варшавского, В.В. Зеньковского рассматривалась теория евразийства, в которой не последнее место отводилось историческим построениям, касавшимся главным образом роли монголов в русской истории. Так, В.В. Зеньковский⁶, З. Шаховская⁷ признавали заслугу евразийцев в их оригинальной концепции о роли «восточных мотивов» в русской истории, а Г.П. Струве⁸ и В.С. Варшавский⁹ критически оценивали евразийские тезисы о преемственной связи монгольской империи и России.

---

⁵ Ковалевский П.Е. Исторический путь России. – Ч. II. Научная разработка вопросов, затронутых в исторической науке (Библиография и проблематика). – Париж, 1946. – 50 с.; Ковалевский П.Е. Археологи, историки, этнографы // Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского Зарубежья за полвека (1920-1970). – Париж, 1971. – С. 169 - 185.

⁶ Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. – Париж, 1955. – С. 162 - 173.

⁷ Шаховская З. О «соблазне» евразийства // Русская мысль. – 1983. - 24 марта.

⁸ Струве Г. Русская литература в изгнании. – Париж, 1946.

⁹ Варшавский В.С. Незамеченное поколение. – Нью-Йорк, 1956. – С. 95 - 106.

Первые советские специальные исторические работы, посвященные культуре русской эмиграции появились достаточно поздно – только в 1970-1980-е гг. В них Русское Зарубежье однозначно рассматривалось как негативная сила, противостоящая «государству победившего социализма». В трудах В.В. Комина, Л.К. Шкаренкова, Ю.В. Мухачева, Г.Ф. Барихновского и других советских исследователей материал почти всегда был чрезмерно политизирован, доминировал жесткий «классово-партийный» подход¹⁰. Однако авторам удалось за счет введения в научный оборот большого количества фактического материала частично пошатнуть традиционный сложившийся стереотип, согласно которому «контрреволюционная эмигрантщина» вообще не заслуживает серьезного внимания советской исторической науки.

Таким образом, не только в Советской России, но на Западе проблемы монгольского владычества на Руси по существу оставались в тени, не являясь предметом специального научного историографического исследования.

Постсоветский период характеризуется особым отношением к исторической мысли Русского Зарубежья. Период назван «постсоветским» в связи с его особой качественной характеристикой, значимой не только для России, но и всего зарубежья. Вместе с тем автор осознает, что термин не вполне точно указывает на природу исследований по данной проблематике за пределами России.

В начале 90-х гг. XX в. вышли в свет крупные монографии М. Раева и В.Т. Пашуто, внесшие большой вклад в изучение исторической науки российской эмиграции. Монография М. Раева включала в себя главу об исторической науке и историках в Русском Зарубежье, их подходах к изучению, взглядах на русскую историю, однако в целом работа посвящена истории культуры, а не истории идей русского изгнания¹¹. Работа В.Т. Пашуто содержала немало интересных сведений об историках-эмигрантах в Европе, а также обширную библио-

---

¹⁰ Комин В.В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом: Учебное пособие. – Ч. 1. – Калинин, 1977; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. – М., 1981; Мухачев Ю.В. «Новая тактика» российской контрреволюции и ее провал в 1920-1922 гг. // Исторические записки. – Т. 99. – М., 1977; Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921 - 1924 гг.) – Л., 1978.

¹¹ Raeff M. Russia Abroad. Cultural History of the Russian Imigration, 1919 – 1939. - New-York. - Oxford, 1990.

графию. Основное внимание автор уделит Пражскому и Белградскому центрам научной эмиграции, оставив нерассмотренными другие центры, в которых также протекала научная и общественно-культурная деятельность выходцев из России¹².

За последние годы историческая наука в России пережила настоящий бум публикаций о Русском Зарубежье. Большими тиражами переиздаются труды известных ученых Русского Зарубежья, публикуются многотомные издания историков и мыслителей¹³. Появились обобщающие статьи и монографии об исторической науке Русского Зарубежья¹⁴. Большинство из них обращено к наименее изученным сюжетам истории эмиграции.

Однако процесс исследования Русского Зарубежья в современной России только начинается. Несмотря на то, что после затянувшегося «романического периода» первого узнавания, неизбежно сопровождающегося многими тенденциозными преувеличениями, исследования начинают, по мнению ученых, постепенно приобретать более серьезный характер научного познания и научного изучения, пока что работа в этой области во многом носит еще «подготовительный» характер и находится на стадии накопления материала.

Наименее изученной при этом по-прежнему остается историческая мысль Русского Зарубежья. Ряд вышедших в последнее время работ посвящен прежде находившейся под запретом, а ныне ставшей «модной» теме евразийства. Из множества работ, написанных в этом направлении, лишь немногие затрагивают историческую концепцию евразийства¹⁵.

---

¹² Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. – М., 1991.

¹³ Струве П.Б. Размышления о русской революции (Фрагменты из работ). – М., 1991; Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов / Сост. А.В. Пономарева. – М., 1992; Русский узел евразийства. Восток в русской мысли: Сборник трудов евразийцев / Под ред. Н.И. Толстого. – М.: Белодворье, 1997; Федотов Г.П. Полное собрание сочинений: В 12 тт. – М.: Мартис, 1996; Шмурло Е.Ф. Курс русской истории: В 4 тт. – СПб.: Алетейя, 2000 и др.

¹⁴ Антошин А.В. Российская эмиграция: история и современность. - Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2006. – 93 с.; Цепилова В.И. Историческая наука 1920-х гг. в русском зарубежье: методологические аспекты // Документ. Архив. История. Современность. - Вып. 4. - Екатеринбург: Уральск. ун-т, 2004. – С. 177-190 и др.

¹⁵ Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «Евразийский соблазн». - М.: Памятники исторической мысли, 1997. – 350 с.; Корзун В.П., Бычков С.П. Введение в историографию отечественной истории XX века: Учебное пособие. - Омск, 2001. – 359 с.; Федюк В.П. История русской эмиграции. 1917 - 1939 гг. - Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 2006. – 100 с. и др.

С 90 гг. XX в. в России начали появляться работы об исторических взглядах выдающихся представителей русской диаспоры (П.Н. Милукове, А.А. Кизеветтере, Е.Ф. Шмурло, Н.С. Трубецком, Г.В. Вернадском и других)¹⁶.

В последние годы появилось большое количество диссертаций, которые значительно расширили проблематику в изучении творческого наследия мыслителей Российского Зарубежья. Основная тенденция современных исследований исторической мысли Русского зарубежья проявляется в узкой специализации работ, посвященных творчеству отдельных личностей¹⁷, центрам и сферам деятельности русских эмигрантов. Так, несколько диссертационных сочинений посвящены идейно-политическим аспектам евразийского и монархического движений¹⁸. Ряд других работ связан с исследованием проблем организации научной, культурно-просветительской жизни Русского Зарубежья¹⁹.

Другая тенденция новейших исследований связана с появлением обобщающих историографических работ по евразийскому направлению. Э.Р. Кутыева рассматривает евразийство, прежде всего, как явление культуры XX века²⁰. Анализу историко-философских, социальных аспектов евразийства посвящены диссертации Г.В. Ждановой²¹, С.М. Соколова²².

---

¹⁶ Яковенко С. Е.Ф. Шмурло и русское историческое общество в Праге // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. – М.: Наука, 1993. – С. 65 – 81; Болховитинов Н.Н. Жизнь и деятельность Г.В. Вернадского и его архив // Slavic research center. – Sapporo: Hokkaido univ. – 2002. – №2. – 65 с.; Корольков А. Возвращение из эмиграции русской истории. Е.Ф. Шмурло // Шмурло Е.Ф. Курс русской истории: В 4 тт. – Т. 1 – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 5 - 6 и др.

¹⁷ Пономарева М.А. П.Б. Струве в эмиграции: Развитие концепции либерального консерватизма: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Рост. гос. ун-т. - Ростов н/Д, 2004. - 22 с.; Боже Я.В. Жизнь и научная деятельность Е.Ф. Шмурло: Автореферат дис. канд. ист. наук: 07.00.02. - Челябинск, 2004. – 21 с. и др.

¹⁸ Самохин А.В. Евразийство как идейно-политическое течение в России XX века: Автореф. дис. канд. ист. наук: 23.00.01 / МГОПУ им. М.А. Шолохова. М., 2004; Антоненко Н.В. Идеология и программа монархического движения русской эмиграции: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2005 и др.

¹⁹ Бирюкова К.В. Российские студенческие эмигрантские союзы в Центральной и Восточной Европе в 1920-1930-е гг.: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / МПГУ. – М., 2005; Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции 1917-1988 гг.: Автореф. дис. д-ра ист. наук: 05.25.03 / С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. – СПб., 2005; Мелентьева Е.В. Культурно-просветительная деятельность музеев русского зарубежья: Историко-педагогический анализ: Автореферат дис. кандидата педагогических наук: 13.00.05. – М., 2007. – 23 с. и др.

²⁰ Кутыева Э.Р. Евразийство как явление культуры XX века. Историография и методология исследования: Автореф. дис. канд. культурологических наук: 24.00.01 / Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2005.

²¹ Жданова Г.В. Евразийство в современных исследованиях. Философские аспекты: Автореф. дис. канд. филос. наук: 09.00.03 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2002.

²² Соколов С.М. Социально-философские аспекты евразийства: Автореф. дис. канд. филос. наук: 09.00.11 / Бурят. гос. ун-т. - Улан-Удэ, 2002.

В исследованиях А.В. Антощенко²³, Г.С. Келлер²⁴ и других авторов затрагивались вопросы синтеза западного и восточного элементов в концепции евразийства. Особый интерес представляет диссертационное сочинение А.В. Антощенко, в котором применена оригинальная методика историографического исследования – нарратология, проведен глубокий историографический анализ евразийского осмысления проблемы самобытности исторического пути России.

Однако до сих пор нет ни одного комплексного исследования, в котором всесторонне рассматривались бы проблемы развития исторической мысли Русского Зарубежья в 1920-1930 гг. и, конкретно, взгляды и оценки проблем монгольского владычества на Руси. Такое положение не может не усложнять проблемы освоения творческого наследия, созданного в эмиграции.

Объектом данного исследования является историческая мысль Русского Зарубежья 1920-1930-х гг..

Предметом исследования стали проблемы монгольского владычества на Руси XIII-XV вв. в концепциях мыслителей Русского Зарубежья 1920-1930-х гг.

Цель настоящего исследования – выявить особенности осмысления проблем монгольского владычества на Руси в трудах мыслителей Русского Зарубежья 20-30-х гг. XX в.

Реализация поставленной цели предполагает решение ряда конкретных научных задач:

- 1) дать общую характеристику центров исторической науки Русского Зарубежья 20-30-х гг. XX в.;
- 2) определить основные направления и проблематику исследований исторической науки Русского Зарубежья 20-30-х гг. XX в.;
- 3) охарактеризовать взгляды представителей традиционной исторической науки Русского Зарубежья в сравнении с предшественниками на проблемы монгольского владычества на Руси;

---

²³ Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь» российские эмигранты «первой волны» в поисках исторического самосознания: Автореф. дис. д-ра ист. наук: 07.00.09 / С.-Петербург. гос. ун-т. - СПб., 2004.

²⁴ Келлер Г.С. Проблема взаимодействия востока и запада в историософии евразийства: Автореф. дис. канд. филос. наук: 09.00.03 / Мурман. гос. техн. ун-т. – Мурманск, 2003.

4) проанализировать взгляды представителей евразийского направления в сравнении с взглядами дореволюционных российских историков и историков традиционной российской исторической науки за рубежом на проблемы монгольского владычества на Руси.

Хронологические рамки исследования. Работа охватывает важный и в известной мере самостоятельный период в истории Российского Зарубежья 1920-1930-е гг. - время складывания относительно устойчивых центров исторической науки за рубежом, представители которых внесли наибольший вклад в осмысление исторической проблематики, прежде всего, проблем монгольского владычества на Руси. Это время появления, развития и прекращения существования евразийского направления, представители которого наиболее интенсивно занимались разработкой проблем русско-монгольских отношений. Короткий промежуток между двумя мировыми войнами стал временем плодотворной научной и публицистической деятельности людей, отличавшихся от предыдущих и последующих поколений особым мироощущением. С одной стороны, атмосфера духовного и культурного опустошения, атмосфера кризиса и краха веры в общественный прогресс, по западному образцу, с другой – духовный дискомфорт эмигрантов, что создало почву для поиска и провозглашения новых ценностей и смыслов. Исторические вопросы, поднимавшиеся в дискуссиях русской эмиграции 1920-1930-х гг., были ответом вызову времени, они качественно отличались от ситуации конца 1930-1940-х гг. Изменившаяся экономическая и общественно-политическая обстановка в Европе и Азии наложила свой отпечаток на развитие исторической мысли Русского Зарубежья, поэтому она нуждается в особом исследовании и иных подходах.

Источниковая база диссертации. Источники для написания данной работы можно объединить в четыре группы.

Первая группа источников представляет собой работы авторов, чье творчество анализируется в диссертации. Прежде всего, следует обратить внимание на невысокий удельный вес монографий в этой группе. В строгом смысле слова монографиями могут быть названы лишь работы Г.В. Вернадского и Э. Хара-

Давана²⁵. Преобладающими в этой группе источников являются обобщающие работы (очерки, учебники). Это связано со сложными условиями эмигрантского существования, когда у исследователей были ограниченные возможности, прежде всего материальные, для написания и издания монографических работ. Преобладание работ обобщающего плана было вызвано насущными задачами того периода: сохранить и развить традиции дореволюционной российской исторической науки через обучение и воспитание подрастающих поколений, для чего необходимы были новые учебники. Такими учебниками стали работы Е.Ф. Шмурло²⁶. Очерки и учебники представителей евразийского направления²⁷ также были направлены на реализацию этой задачи, но с привлечением современных подходов.

Не менее важной является вторая группа источников – статьи и рецензии как исторического, так и публицистического содержания, появившиеся в периодических и непериодических изданиях. Обращение к данной группе источников обусловлено стремлением показать процесс оформления исторического видения проблем монгольского владычества на Руси в теорию, что возможно только при рассмотрении того, как выдвигались и развивались отдельные положения, составившие в конечном итоге концепцию. Именно на страницах журнала «Русская мысль» в 1921 г. появилась рецензия П.Н. Савицкого на работу Н.С. Трубецкого «Европа и человечество»²⁸. Высоко оценивая ее основные идеи, П.Н. Савицкий внес ряд уточнений, а главное, предложил термин «Евразия». Это понятие стало основой для самосознания группы молодых людей, выпустивших в 1921 г. первый сборник «Исход к Востоку».

Характерной чертой развития исторической науки Русского Зарубежья было преобладание статьи как основного (ведущего) типа исторических иссле-

---

²⁵ Вернадский Г.В. Монголы и Русь. - Тверь: Леан, М.: Аграф, 1997. – 480 с.; Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV вв. - Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. – 220 с.

²⁶ Шмурло Е.Ф. Курс русской истории: В 4 тт. – Т. 1: Возникновение и образование Русского государства. – СПб.: Алетейя, 2000. – 544 с.; Шмурло Е.Ф. История России. – М.: Аграф, 1997. – 617 с.

²⁷ Трубецкой Н.С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // История. Культура. Язык. - М.: Прогресс, 1995. – 400 с.; Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – СПб.: Лань, 2000. – 320 с.; Вернадский Г.В. Русская история. – М.: Аграф, 1997. – 544 с.

²⁸ Савицкий П.Н. Европа и Евразия: (По поводу брошюры Кн. Н.С. Трубецкого «Европа и человечество») // Русская мысль. – 1921. - №1/2. – С. 119-138.

дований. К такому выводу можно прийти исходя из анализа библиографических справочников и хроник научной исторической жизни того периода.

Таким образом, в статьях и учебниках наиболее полно отразились взгляды мыслителей Русского Зарубежья на проблемы монгольского владычества. Данные работы, выражающие особенности концептуальных построений Г.В. Вернадского, В.А. Рязановского, Е.Ф. Шмурло, П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, Э. Хара-Давана, стали базой для сравнительного анализа содержания их концепций и выявления специфики осмысления проблем монгольского владычества на Руси.

К третьей группе источников относится архивный материал из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), в котором сосредоточена богатая коллекция документов по истории и культуре Русского Зарубежья. Из личных фондов наибольший интерес представляют фонды П.Н. Милюкова, П.Б. Струве, Г.В. Вернадского, П.Н. Савицкого, в которых содержатся рукописи опубликованных и неопубликованных работ: статей, монографий, лекций, текстов докладов на конференциях и собраниях.

К четвертой группе относятся вспомогательные источники: Каталог книжной выставки Государственной публичной исторической библиотеки: «Историки Русского Зарубежья: 1917-1940 гг.»²⁹; Хроника научной исторической жизни «Историческая наука российской эмиграции 20-30 гг. XX века»³⁰; Энциклопедический биографический словарь «Русское Зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века»³¹. Материалы, содержащиеся в библиографических справочниках, хронике, позволяют судить о проблематике исторических исследований. Опираясь на них, автор настоящей работы провел статистическое исследование проблематики исторических изысканий мыслителей Русского Зарубежья.

В основу **методологии исследования** положен принцип историзма, при котором позиции, концепции мыслителей Русского Зарубежья рассматривались

---

²⁹ Историки Русского зарубежья. 1917-1940 гг.: Каталог книжной выставки / Сост. Г.П. Демиденко. – М.: ГПИИБ, 1993.

³⁰ Историческая наука российской эмиграции 20-30 гг. XX века (Хроника) / Сост. С.А. Александров. – М.: АИРО-XX, 1998.

³¹ Русское Зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь / Под ред. В.В. Шелохаева. – М., 1997.

в развитии и в связи с обусловившими их факторами. При оценке историографических фактов учитывался достигнутый к этому времени уровень развития российской исторической науки, возможности для научного творчества в условиях эмиграции. Соблюдение этого принципа также способствовало выделению автором настоящей работы основных направлений развития российской исторической науки за рубежом. Теоретические положения, взгляды исследователей, рассматриваемые в работе, изложены в истинном содержании, не искажены и не подогнаны под определенную схему.

При написании работы были использованы различные методы научного познания, как общие, так и специальные. Общенаучные методы, применявшиеся для написания работы, представлены методами теоретического исследования (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование).

В качестве основы для рассмотрения материала выбрана индивидуализация. Особенно актуально представление индивидуальных черт исторических взглядов евразийцев на монгольский вопрос, поскольку коллективный портрет евразийства грешит неточностями, выражающимися в приписывании каждому из его представителей тех общих характеристик, которые не всегда имели место. Такие характеристики являются следствием того, что большинство авторов обобщающих работ довольствуется изложением общих положений евразийской доктрины, как будто она возникла сразу же как целостная система и в ней не было внутренних противоречий, определяемых различием в подходах ее основных авторов. В предисловии к третьей книге «Евразийского временника» отмечалось: «...Когда заносились на бумагу мысли и слова, составившие «Исход к Востоку» ... сознанием нашим владел и сказывался в нем исключительно личный опыт в происшедшем. В своей духовной основе книги евразийских сборников являлись и осуществлены отнюдь не как попытка построить историософскую или другую надуманную систему; это, прежде всего, книги личного опыта нескольких лиц»³².

Методика исследования базировалась на принципах и методах историографического анализа. Общая методика историографического исследования, наиболее подробно описанная в статье современного историографа А.В. Кли-

---

³² Евразийский временник. Утверждение евразийцев. – Кн. 3. – Берлин, 1923. – С. 6.

менко³³, была взята за основу настоящего исследования. Автором настоящей работы применялся принцип целостности, предполагающий подход к изучению концепции исследователя как системы взаимосвязанных элементов, детерминирующих их изменения. Изучение исторических взглядов Г.В. Вернадского, Е.Ф. Шмурло, П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, Э. Хара-Давана, В.А. Рязановского предполагает анализ источниковой базы исследования, периодизации истории, приемов и методов работы, в том числе методов источниковедческой критики, и прочих элементов системы. Так, например, анализируя работу Э. Хара-Давана, диссертант обращал внимание на общее видение ученым исторического процесса, его движущих сил, характеризовал источниковую базу, анализировал способы работы с источниками, что позволило сделать выводы о теоретико-методологических основаниях концепции Э. Хара-Давана.

Широко применялись методы историографического анализа. Основным методом в настоящей работе был сравнительно-исторический, который был положен в основу изложения материала всей второй главы. С целью выявления особенностей взгляда мыслителей Русского Зарубежья на проблемы монгольского владычества, автором настоящего исследования повсеместно проводилось сравнение взглядов на монгольский вопрос дореволюционных и зарубежных российских историков, представителей традиционной исторической науки и евразийства. Сравнение проводилось с целью выявления общих и отличительных черт, что позволяло сделать выводы о степени заимствования, восприятия предшествующих идей, степени их своеобразия. В непосредственной взаимосвязи с сравнительно-историческим методом выступал метод ретроспективного (возвратного) анализа, который применялся при изучении движения мысли исследователей (евразийцев и историков традиционного направлений российской исторической науки) от 20-30-х гг. к прошлому (к идеям Н.М. Карамзина, Н.А. Полевого, С.М. Соловьева и т.д.), что также позволило выявить как преемственность взглядов мыслителей, так и их своеобразие.

В работе также применялся хронологический метод в ходе анализа движения научной мысли, смены теорий исторического процесса, взглядов на про-

---

³³ Клименко А.В. Предмет и задачи историографии // Историография истории России до 1917 г.: В 2 тт. / Под. Ред. М.Ю. Лачаевой. – М.: ВЛАДОС, 2003. – Т. 1. – С.12-25.

блемы монгольского владычества на Руси. Например, изучая монгольский вопрос в российской историографии, диссертант анализировал взгляды представителей различных теорий исторического процесса (начиная с начала XIX в.), исторических школ, что позволило вскрыть закономерности накопления и углубления историографических знаний по монгольскому вопросу.

Проблемно-хронологический метод использовался для расчленения широкой проблемы монгольского владычества на Руси на ряд узких проблем, каждая из которых рассматривалась в хронологической последовательности: причины монгольских походов, причины нашествия монголов на Русь, установление системы монгольского господства на Руси, освобождение Руси от иноземного господства, последствия монгольского нашествия и т.д.

Научная новизна и практическое значение работы. Научная новизна данной диссертации заключается в самой постановке проблемы и задач исследования. Работа является первым комплексным исследованием творческого вклада исторической мысли русской эмиграции в осмысление проблем монгольского владычества на Руси. На основе широкого круга историографических источников были изучены взгляды и воззрения многих историков русской эмиграции. Научная новизна данной работы видится в обобщении достижений рассматриваемых авторов для определения позитивных результатов их исследований, а также для выявления черт преемственности многих составляющих концепций мыслителей Русского Зарубежья от русской историографии предшествующих периодов.

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории и культуре русской эмиграции, в лекционных курсах и семинарах по отечественной истории, учителями истории в школах, гимназиях, лицеях и техникумах.

Апробация исследования. Результаты исследования апробированы на десяти конференциях (регионального, всероссийского и международного уровней). Основные положения работы нашли отражение в 13 научных публикациях.

Структура и объем диссертации обусловлены последовательностью разрешения цели исследования и основных задач. Диссертация состоит из введе-

ния, двух глав (четырёх разделов), заключения и списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность, характеризуется степень изученности темы, определяются цель и задачи исследования, территориальные и хронологические рамки работы, ее научная новизна и практическая значимость, источниковая база, методы и принципы исследования.

В первой главе «Общая характеристика исторической науки Русского Зарубежья 20 – 30-х гг. XX в» дана общая характеристика центров исторической науки Русского Зарубежья 20 - 30-х гг. XX в., определены основные направления и проблематика исследований исторической науки Русского Зарубежья 20-30-х гг. XX в.

В первом разделе «Центры русской исторической науки за рубежом в 20-30-х гг. XX в.» охарактеризованы центры русской исторической науки за рубежом, определены особенности изучения в них исторической проблематики, и монгольского вопроса, в частности.

В развитии исторической науки 1920 - 1930-х гг. в центрах Русского Зарубежья прослеживается общая тенденция, заключающаяся в стремлении сохранить и преумножить за границей традиции дореволюционной исторической науки. Это проявлялось в организационной деятельности русских эмигрантских центров, в создании научных и образовательных учреждений, сообществ, организаций, в проведении съездов и конференций.

Наряду с общей тенденцией русских историков-эмигрантов к объединению, появляется определенная «специализация» эмигрантских центров. Так, наиболее организованным центром исторической науки Русского Зарубежья становится Прага. Ярким подтверждением тому было создание и функционирование в Праге Русского исторического общества, координировавшего всю научную деятельность историков Русского Зарубежья. В конце 1920-х гг. центр развития исторической науки сместился в Югославию, куда съезжались русские ученые с мировым именем. Белград становится крупным русским археологическим центром и центром славяноведения. Берлин выступал, в большей сте-

пени, в качестве литературного центра русской эмиграции, Париж – политического и культурного центра.

Специализации эмигрантских центров способствовала иностранная финансовая помощь представителям русского научного сообщества. Это был один из инструментов влияния политики стран пребывания на выбор тематики и проблематики научных исторических исследований. Приоритетными были те направления исторических исследований, которые были связаны с историей страны эмиграции. Так, в Чехословакии поощрялась разработка вопросов истории Чехословакии, русско-чешских взаимоотношений³⁴. В Югославии получило развитие славяноведение³⁵. В других центрах русской эмиграции также отчетливо прослеживалась подобная тенденция, обуславливавшая взаимосвязь науки и политики.

Особенности организации исторической науки Русского зарубежья (специализация эмигрантских центров, различный уровень их научно-исследовательского потенциала, обостренная взаимосвязь науки и политики в среде историков-эмигрантов и т.д.) привели к специализации определенного тематического спектра – противостояния Запада и Востока, то есть к появлению евразийства. Разумеется, автор этих строк не склонен связывать появление этого течения только с организацией центров русской исторической науки за рубежом, но и игнорировать влияние этого фактора на формирование особой тематики вряд ли целесообразно.

Предложенная логика рассуждений со всей очевидностью указывает и на спектр важнейших исторических проблем, среди которых вопрос монгольского владычества на Руси XIII-XV вв. является едва ли не самой яркой исторической проблемой. Неслучайно именно в Берлине, отличавшемся от прочих центров наиболее активной издательской деятельностью русских эмигрантов, появились первые исследования о влиянии монголов на Русь. Эти работы

---

³⁴ Кизеветтер А.А. Национальное возрождение Чехии // Научные труды Русского Народного Университета в Праге. – Т. 3. / Сост. М.М. Новикова. – Прага, 1930; Флоровский А.В. Пути русско-чешской взаимности // Современные записки. – 1928. - №36. – С. 493-509; Florovsky A.V. CeŠti jesuité na Rusi. Jesuité ceŠké provincie a slovansky Vyhod. - Praha, 1941 и др.

³⁵ Соловьев А.В. Кара за убийство в византийском и славянском праве // Записки Русского Научного института в Белграде. – Вып. 7. - Белград, 1932; Погодин А.Л. Личность и деятельность Императора Николая I в сербском общественном мнении его времени // Записки Русского Научного института в Белграде. – Вып. 11. - Белград, 1935 и др.

вышли из-под пера представителей нового направления исторической мысли Русского Зарубежья - евразийцев³⁶.

В Праге также вышел ряд работ по рассматриваемой проблематике. Представители разных направлений русской исторической мысли в 1920-1930-е гг. обратились к решению монгольского вопроса. Г.В. Вернадский опубликовал в Праге статью «Два подвига св. Александра Невского» и обобщающую работу «Начертание русской истории», ставшие исторической платформой евразийского направления³⁷.

Однако не только евразийцы занимались изучением данной проблематики. Пересмотр традиционного (позитивистского) взгляда на проблемы монгольского владычества на Руси в евразийской интерпретации вызвал ответную реакцию. Так, в 1931 г. в Праге Е.Ф. Шмурло, один из ярких представителей традиционной российской исторической науки за рубежом, опубликовал обобщающую работу по русской истории, в которой развернул полемику с евразийцами по монгольскому вопросу³⁸.

К этой полемике присоединился В.А. Рязановский, который в статье «К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право» подверг сомнению евразийский взгляд, необоснованно преувеличивавший влияние монголов на Русь³⁹.

В парижском и белградском центрах также были опубликованы работы евразийцев – Г.В. Вернадского⁴⁰ и Э. Хара-Давана⁴¹, внесших крупный вклад в изучение проблем монгольского владычества на Руси и в развитие самого евразийского направления.

---

³⁶ Савицкий П.Н. Степь и оседлость // На путях. – Берлин, 1932. – Кн. 2. – С. 350 - 353; Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Взгляд на российскую историю не с Запада, а с Востока. – Берлин, 1925; Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии с половины VI в. до настоящего времени. – Берлин, 1934.

³⁷ Вернадский Г.В. Два подвига св. Александра Невского // Евразийский временник. Утверждение евразийцев. – Прага, 1925. – Кн. 4. – С. 320-321; Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – Прага, 1927.

³⁸ Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. – Прага, 1931.

³⁹ Рязановский В.А. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право. – Харбин, 1931.

⁴⁰ Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. – Париж, 1927. – Кн.5. – С. 153-164.

⁴¹ Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. – Белград, 1929.

Таким образом, спор по монгольскому вопросу, возобновившийся теперь уже в среде русских историков-эмигрантов, во многом был связан с появлением евразийского направления. В качестве исключения можно привести положение в Харбине – центре русского востоковедения за рубежом, где интерес к данной проблематике был закономерен и в меньшей степени был связан с появлением евразийства. В харбинский центр Русского Зарубежья, как правило, эмигрировали те ученые, чей профессиональный интерес к восточной истории сформировался еще в дореволюционный период.

Во втором разделе «Направления исторической науки и проблематика исторических исследований в Русском Зарубежье в 20-30 гг. XX в.» определены основные направления и проблематика исследований исторической науки Русского Зарубежья 20-30-х гг. XX в.

Анализ теоретико-методологической базы исторических исследований Русского Зарубежья в 1920-1930-х гг. позволяет выделить три основных направления за рубежом: традиционная историческая наука Русского Зарубежья (по сути позитивистское направление), представители которой достаточно строго следовали теоретическим принципам дореволюционной российской историографии; историко-философское направление, приверженцы которого обращались к поиску теософских и психоментальных основ русского исторического процесса. Представители третьего – евразийского направления предложили оригинальное видение исторического процесса, который представляет собой не универсальную линию прогресса, а разнонаправленное циклическое развитие различных культур.

Автор работы придерживается позиции, что цивилизационные идеи евразийцев, не просто были восприняты от современников (О. Шпенглера, А. Тойнби), а возникли почти одновременно с упомянутыми и, что более важно, отличались в подходе к познанию действительности.

Магистральной темой, обсуждавшейся в эмиграции, была проблема особенностей исторического пути развития России. Она проходит сквозной нитью через подавляющее большинство статей, докладов, лекций 20-30-х гг. XX в. Поиск путей дальнейшего развития России, определение ее места в мире побу-

ждал исследователей обращаться к событиям прошлого и там искать ответы на поставленные вопросы.

Стремясь выявить особенности российского исторического пути, авторы поднимали старый вопрос об отношении России к Западу и к Востоку. В русской эмиграции происходит новая «встреча» сторонников западного и восточного путей развития России. Только столкнулись теперь взгляды не западников и славянофилов, а западников и евразийцев. В лице западников выступало позитивистское направление исторической науки Русского Зарубежья. Спор, разгоревшийся в среде русской эмиграции, начался еще до появления евразийцев и обострился после выхода в свет их первых работ.

Диспут, развернувшийся в кругах Русского зарубежья вокруг проблем монгольского владычества на Руси, был следствием все тех же попыток историков выявить особенности исторического пути России и объяснить случившееся в XX веке. Традиционная историческая наука стремилась разоблачить надуманные и преувеличенные выводы евразийцев об определяющей роли монголов в русской истории. Евразийцы пытались представить на суд читателя свое оригинальное прочтение традиционной проблемы русской истории, сменив ракурсы изучения, методы исследования. Противники двух направлений исторической мысли предложили свое осмысление проблем монгольского владычества, опираясь на традиции предшественников и внося свой вклад в изучение проблематики.

Во второй главе «Традиционная историческая наука Русского Зарубежья и евразийское направление 20-30-х гг. XX в. о проблемах монгольского владычества на Руси» в сравнительном ключе рассмотрены взгляды представителей двух направлений исторической мысли русской эмиграции на монгольский вопрос.

В первом разделе «Традиционная историческая наука Русского зарубежья 20-30-х гг. XX в. о проблемах монгольского владычества на Руси» проанализированы взгляды представителей традиционной исторической науки Русского Зарубежья в сравнении с идеями дореволюционных исследователей, высказанными по поводу монгольского владычества на Руси.

В.А. Рязановский и Е.Ф. Шмурло рассматривали проблемы монгольского владычества на Руси с позиций позитивистского направления, согласно которому иноземное господство на Руси в XIII-XV вв. признавалось второстепенным фактором в развитии русского исторического процесса. Как и свои предшественники В.А. Рязановский и Е.Ф. Шмурло не выделяли монгольского периода в русской истории.

В.А. Рязановский вслед за дореволюционными историками (С.М. Соловьевым, В.О. Ключевским, С.Ф. Платоновым) полагал, что в основе русского исторического процесса лежат внутренние закономерности, во многом те же, что и на Западе.

В.А. Рязановский являясь знатоком истории Средней Азии мог вести серьезный научный спор с евразийцами, привлекая неоспоримые аргументы, данные не только русских, но и монгольских, китайских и других восточных источников. До него к глубокому изучению монгольской истории с позиций традиционной исторической науки (позитивизма) никто не подходил. Именно В.А. Рязановский был ближе к традиционной российской исторической науке в решении монгольского вопроса, чем Е.Ф. Шмурло.

В целом, Е.Ф. Шмурло следовал принципам традиционной российской исторической науки, но имелись и некоторые противоречия. В разделе о последствиях монгольского господства на Руси историк приводил скудные сведения о влиянии монголов на нравы, быт и особенно подчеркивал негативный аспект монгольского воздействия на Русь, обусловивший регресс в ее дальнейшем развитии. В других частях своей работы он подробнее пояснял причины этого регресса, в том числе и политические. Двойственность позиции ученого в решении монгольской проблемы очевидна и объясняется тем, что, с одной стороны, он стремился развить и углубить в своем творчестве взгляды С.М.Соловьева и его последователей, с другой стороны, историку необходимо было объяснить отставание Руси от Европы и здесь он прибегал к внешнему фактору, смещая акцент на негативное влияние монголов, обусловившее регресс в экономическом и политическом развитии Руси.

Попытки евразийцев обосновать первостепенное, преимущественно положительное, значение монголов в русской истории представители позитивистского направления русской эмиграции считали необоснованными.

Во втором разделе «Евразийское направление о проблемах монгольского владычества на Руси» проанализированы взгляды представителей евразийского направления в сравнении с взглядами дореволюционных российских историков и историков традиционной российской исторической науки за рубежом на проблемы монгольского владычества на Руси

Евразийцы вписали монгольский период в русскую историю. Они попытались изучить монгольское нашествие и господство не с европейской точки зрения, а с азиатской. Иными словами они сменили ракурс изучения: попытались объяснить события русской истории на фоне монгольской. Евразийцы отказались от теории прогресса и деления народов на высшие и низшие, что позволило им иначе, чем это делали до них, посмотреть на роль монголов во главе с их предводителем в российской и мировой истории.

С другой стороны, евразийцы восприняли идеи дореволюционных историков о роли внешних факторов в истории, о борьбе леса со степью, об особенностях положения Руси между Западом и Востоком (в географическом и культурном плане), о существенном влиянии монголов на Русь и т.д.

Часть современных исследователей отмечает заслугу евразийцев в применении цивилизационного подхода⁴². Другие, напротив, считают, что они позаимствовали эти взгляды у О. Шпенглера и др.⁴³. Как и в начале XX в. в исторической науке ученые разделились на сторонников позитивной оценки творческого наследия⁴⁴ евразийцев и сторонников негативной⁴⁵.

---

⁴² Хачатурян Б. Революция и русская культура в концепциях евразийства // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. – М.: Наука, 1993. – С.39; Омельченко Н.А. Политическая мысль русского зарубежья: очерки истории (1920- начало1930гг.). – М.: Планета детей, 1997. – 256 с.

⁴³ Исаев И.А. Утописты или провидцы \\\ Пути Евразии: Русская интеллигенция и судьбы России \\\ Сост И.А. Исаев. – М.: Русская книга, 1992. – С.14.

⁴⁴ Алеврас Н. Начала евразийской концепции в раннем творчестве Г.В. Вернадского и П.Н. Савицкого \\\ Вестник Евразии – 1996. - №1(2). – 5-7; Омельченко Н.А. Политическая мысль русского зарубежья: очерки истории (1920- начало1930гг.). – М.: Планета детей, 1997. – 256 с.; Хачатурян Б. Революция и русская культура в концепциях евразийства // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. – М.: Наука, 1993. – С.38-40 и др.

⁴⁵ Каганский В.Л. Кривда и правда евразийства \\\ Отечественные науки и современность. – 2003. - №5. С. 70-83.

Будучи представителями различных областей научного знания, евразийцы изучали монгольский вопрос каждый со своего ракурса (историко-философского, историко-географического, исторического), что позволяет выделить особенности взглядов, которые, однако, не свидетельствуют о принципиальных различиях взглядов евразийцев, поскольку, как правило, авторы дополняли друг друга. По мнению М.А. Киркина это обусловило системность в исследовательском подходе евразийства. Исследователь считает, что евразийцы впервые в российской исторической науке применили системный подход⁴⁶.

В заключении диссертации содержатся основные итоги исследования, формулируются выводы.

Взгляды В.А. Рязановского, Е.Ф. Шмурло, Н.С. Трубецкого, Э. Хара-Давана, Г.В. Вернадского, П.Н. Савицкого были отражением условий российской и эмигрантской действительности, влияния историко-научной жизни, особенностей восприятия России и ее истории. Каждый из этих мыслителей органично воспринял предшествовавшие традиции изучения истории и по своему их переработал, внося что-то новое, разрабатывая свою концепцию.

Тема монгольского владычества на Руси была одной из центральных в дискуссиях российских историков на протяжении трех столетий. Сложившиеся в российской исторической науке в XIX в. направления изучения вопросов монгольского господства на Руси были перенесены исследователями первой половины XX века на эмигрантскую почву. Представители этих направлений считали, что Россия сочетает в себе элементы европейской и азиатской культур и что нельзя понять ход русской истории, не уделяя внимания азиатским компонентам. Дореволюционные российские историографические «сюжеты» борьбы леса и степи получили развитие в работах исследователей в эмиграции. Однако представители традиционной исторической науки основной акцент делали на влияние природно-географических условий в борьбе двух начал (Запада и Востока), на том, что в этом противоречии в лице России победили европейские начала, при этом в самом монгольском владычестве виделись одни бедствия, наложившие свой отпечаток в большей степени на психологию русского народа. И хотя А.А. Кизеветтер обвинял евразийцев за своеобразное толкование

---

⁴⁶ Киркин М.А. Методологические уроки классического евразийства // Человек. – 2002. - №1. – С. 69.

синтеза европейского и азиатского начал, заключавшееся, по его мнению, во враждебном столкновении синтезирующихся начал, в котором приоритет отводился азиатскому, представители традиционной исторической науки по сути делали то же самое, изучая российскую историю с позиций европоцентризма.

Представители евразийского направления: Г.В.Вернадский, П.Н.Савицкий, Н.С.Трубецкой, Э.Хара-Даван восприняли идеи тех дореволюционных историков, которые немаловажное место в русском историческом процессе отводили монгольскому периоду. Идея особого историко-географического положения Руси-России, впервые высказанная Н.М.Карамзиным, была развита евразийцами и впоследствии оформлена в теорию месторазвития.

Вслед за многими дореволюционными историками Г.В. Вернадский особое внимание уделял роли географического фактора в русской истории. Согласно С.М. Соловьеву, В.О. Ключевскому, основу русской истории составляет борьба леса со степью. По мнению Г.В. Вернадского, местоположение Руси – пересечение леса со степью, столь же характерно и местоположение Орды – граница степи и пустыни. Соответственно, включение Руси в состав Золотой Орды является победой степи над лесом. Московская Русь несла победу леса над степью. Однако в отличие от своих предшественников, изучавших историю Руси-России с Запада, Г.В. Вернадский и другие представители евразийского направления показывали русскую историю с Востока, тем самым, меняя ракурсы изучения.

Как и дореволюционные историки В.А. Рязановский и Е.Ф. Шмурло не выделяли монгольского этапа в периодизации русской истории.

В.А. Рязановский и Е.Ф. Шмурло различно восприняли схему исторического развития Руси С.М. Соловьева и его взгляды на роль монголов. Так, если Е.Ф. Шмурло полностью не отрицал монгольского влияния на российскую историю, то В.А. Рязановский всячески стремился развить идеи дореволюционных авторов, отрицавших значимость «татарского ига». В.А. Рязановский, как никто другой в исторической науке Русского Зарубежья, смог применить позитивистский подход к изучению проблемы монгольского влияния на Русь.

Представители традиционной российской исторической науки за рубежом и представители евразийского направления исторической мысли стремились со-

хранить и развить традиции дореволюционной российской историографии, однако каждое направление решало эту задачу по-своему. Одни продолжали традиции историков позитивистского направления середины - второй половины XIX в. Они старались сохранить и всемерно развивать эти традиции, защищая от разрушительных нападков новаторов-евразийцев. Другие опирались в своих трудах на взгляды тех дореволюционных российских историков, которые при объяснении Российского исторического процесса немаловажную роль отводили действию внешних факторов.

Спор, развернувшийся в Русском Зарубежье на страницах периодической печати по проблемам монгольского владычества, был отражением методологического кризиса, когда старая схема русского исторического процесса устарела, а новая, предложенная евразийцами, была полна противоречий. Тем не менее, многие взгляды евразийцев на монгольский вопрос и по сей день актуальны и востребованы.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статья в журнале, рекомендованном ВАК для публикации результатов диссертационных работ:

1. *Ануфриева Н.В.* Монгольский вопрос в трудах российских историков XIX – начала XX вв. // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 303 (II). – С. 44-51 (0,5 п. л.).

Публикации в других изданиях:

2. *Ануфриева Н.В.* Проблема монгольского владычества на Руси в трудах историков русского зарубежья (первая половина XX века) // Страницы методологии и истории: Сборник научных статей студентов и аспирантов исторических факультетов ОмГПУ, ОмГУ, СГПИ / Под ред. В.Н. Худякова, А.Г. Киселева. – Омск, 2003. – С. 90-94 (0,5 п. л.).

3. *Ануфриева Н.В.* Европейские центры русской исторической науки за рубежом в 20-30-е гг. XX в. // Актуальные проблемы истории: Сборник статей / Отв. ред. Т.Н. Глушкова. – Сургут, 2007. – Вып. 1. – С. 18-32 (0,5 п. л.).

4. *Ануфриева Н.В.* Историография проблем монгольского владычества на примере В.Т. Пашуто, Л.Н. Гумилева, Г.В. Вернадского (источниковедческий

аспект) // Окружной конкурс научно-исследовательских работ студентов высших и средних профессиональных учебных заведений ХМАО: В 2 ч. – Сургут, 2000. – Ч. 1. – С. 44-45 (0,2 п. л.).

5. *Ануфриева Н.В.* К историографии русско-монгольских отношений XIII-XIV вв. // Россия: История и современность. – Сургут, 2000. – С. 57-60 (0,2 п. л.).

6. *Ануфриева Н.В.* Осмысление термина «иго» в русской историографии // Диалог культур и цивилизаций. – Тобольск, 2001. – С. 83-85 (0,2 п. л.).

7. *Ануфриева Н.В.* Проблема применения элементов историографии в старших классах на уроках истории // Россия: История и современность. – Сургут, 2001. – С. 89-90 (0,2 п. л.).

8. *Ануфриева Н.В.* Проблема монгольского владычества в трудах евразийцев // Россия: история и современность. – Сургут, 2003. – С. 34-36 (0,2 п. л.).

9. *Ануфриева Н.В.* Историческая наука русского зарубежья 20-30 гг. XX века // Наука и инновации XXI века. – Сургут, 2004. – С. 69-71 (0,4 п. л.).

10. *Ануфриева Н.В.* Историки русского зарубежья 20-30 гг. XX века (к постановке вопроса) // Студент и научно-технический прогресс: История: Материалы XLII Международной научной студенческой конференции: В 2 ч. – Новосибирск, 2004. – Ч. 2. – С. 107-109 (0,1 п. л.).

11. *Ануфриева Н.В.* Отечественные востоковеды конца XIX – начала XX вв. о монголах эпохи Чингис-хана // Россия: История и современность. – Сургут, 2004. – С. 106-107 (0,1 п. л.).

12. *Ануфриева Н.В.* Влияние монголов на Русь в оценке В.А. Рязановского // Гуманитарные науки и образование в контексте формирования исторического мышления. – Бийск, 2005. – С. 115-118 (0,4 п.л.).

13. *Ануфриева Н.В., Полякова Э.А.* Евразийцы об особенностях развития российской государственности // Диалог культур и цивилизаций. – Тобольск, 2007. – С. 50-53 (0,2 п. л.).